

Анна Франк

Убежище (фрагмент)

Дневник в письмах

...

Это был обычный летний день, пятница 4 августа 1944 года. Придя на работу, я тут же поднялась в Убежище, чтобы взять список покупок. Наши затворники, уже много месяцев изолированные от внешнего мира, были рады каждому посетителю и с нетерпением ждали новостей извне. Анна, как обычно, забросала меня вопросами, и непременно хотела о чем-то поговорить со мной наедине. Я пообещала ей зайти днем, после того как сделаю покупки. А в тот момент я спешила обратно в контору. Беп и Кляйман уже были там.

Около одиннадцати я вдруг увидела в проеме двери мужчину в штатском. Я и не заметила, как и когда он появился. Мужчина направил на нас револьвер и шагнул внутрь. "Остаться на своих местах, — сказал он по-голландски, — не двигаться!". И прошел в кабинет Куглера. Мы оцепенели от ужаса. Кляйман прошептал мне: "Мип, это случилось". Беп дрожала всем телом. Кляйман между тем не отрывал глаз от входной двери. Но посетитель с револьвером, по-видимому, явился один. Как только он покинул контору, я быстро вытащила из сумки нелегальные продуктовые талоны, деньги и бутерброды Яна. Приблизился перерыв, и Ян мог явиться с минуты на минуту. В тот же момент послышались его шаги. Я немедленно вылетела за дверь и, не дав ему войти внутрь, сунула в его руку сверток. "Ян, беда", — прошептала я. Тот все понял и скрылся.

С отчаянно колотившимся сердцем я вернулась к своему столу, где должна была оставаться по приказу вооруженного мужчины. Беп была сама не своя от страха, и Кляйман это заметил. Он вытащил из кармана кошелек, протянул ей и сказал: "Отнеси его в аптеку на Лелиграхт. Ее хозяин — мой друг, ты можешь воспользоваться его телефоном. Позвони моей жене, расскажи ей, что здесь произошло, и сюда не возвращайся". Беп кивнула и

поспешила покинуть контору, бросив на нас последний испуганный взгляд.

Кляйман строго и серьезно взглянул на меня: "Мип, ты тоже можешь уйти". "Нет, не могу", — ответила я. Это была правда. Я, действительно, не могла.

Мы с Кляйманом ждали еще приблизительно три четверти часа, пока не появился мужчина — но не тот, что приходил раньше. Он приказал Кляйману последовать за ним в кабинет Куглера. Я осталась на своем месте, не имея представления о том, что происходит в доме. Но мне и думать об этом было страшно.

Спустя полчаса, а может, час дверь открылась, и вошел Кляйман, сопровождаемый полицейским. Тот приказал по-немецки: "Отдайте ключ молодой даме", после чего снова удалился в кабинет. Кляйман подошел ко мне и протянул ключ со словами: "Мип, уходи немедленно". Я покачала головой. Кляйман взглянул мне прямо в глаза: "Не упрямься. Спаси то, что еще можно спасти, а нам ты уже не поможешь". Я поняла, что он имеет в виду. Как я должна была поступить? Кляйман сжал мою руку и вернулся в комнату Куглера, а я так и не двинулась с места. Я подумала, что полицейские отнесутся ко мне снисходительно из-за моего австрийского происхождения. К тому же они, вероятно, считают, что к Убежищу я не имею никакого отношения.

Спустя несколько минут в комнату вошел первый голландский посетитель, и даже не взглянув на меня, позвонил куда-то по телефону и попросил прислать машину. Дверь он оставил открытой, поэтому я ясно слышала голос немца, потом Куглера, что-то ему отвечавшего, и снова — немца. Я вдруг поняла, что мне в его выговоре кажется знакомым: неподражаемый венский акцент. Точно так же говорили в моей семье, с которой я рассталась много лет назад.

Когда полицейский вернулся в контору, я поняла, что его настрой изменился: он больше не верил в мою непричастность. Очевидно, что-то навело его на мысль, что я знала о скрывавшихся людях. "А теперь твоя очередь", — грубо сказал он и вырвал из моих рук ключ, полученный от Кляймана. Я встала и прямо взглянула на него: "Вы из Вены, как и я". Он замер, явно пораженный, его лицо выдавало смятение. "Паспорт!" — наконец рявкнул он. Я протянула ему документ, который он внимательно

осмотрел. В моем паспорте было указано, что я родилась в Вене и состою в браке с нидерландским подданным. Тут полицейский заметил голландца, все еще говорившего по телефону. "Убирайся!" — крикнул он, и тот, прервав разговор на полуслове, бросил трубку и скрылся. Австриец захлопнул дверь, и мы остались одни. Яростно размахивая моим паспортом, согнувшись почти пополам, он направился ко мне: казалось, что гнев заставляет его пригибаться к земле: "И не стыдно тебе потворствовать грязным евреям?" — прокричал он. Затем, осыпав меня всевозможными ругательствами, заключил, что я буду наказана по заслугам. Он был вне себя. Я по-прежнему стояла неподвижно, не отвечая ни словом, ни жестом. Он продолжал мерить комнату шагами, потом вдруг остановился и спросил: "Что же мне, черт побери, с тобой делать?".

В тот момент я подумала, что мое положение не совсем безнадежное. У меня было чувство, словно я выросла на несколько сантиметров. Офицер изучал меня взглядом и, казалось, думал: "Вот, друг против друга стоят два человека, родившиеся в одной и той же стране, одном и том же городе. Один карает евреев, другой помогает им". Взгляд австрийца стал спокойнее и даже человечнее. После долгого молчания он, наконец, сказал: "Из личной симпатии... ладно, оставайся здесь. Но не смей бежать, иначе мы схватим твоего мужа".

Я понимала, что сейчас должна со всем соглашаться, но не сдержавшись, ответила: "Не смейте трогать моего мужа! Он ни к чему не причастен". Офицер надменно взглянул на меня: "Как бы не так! Вы все одна шайка". Он направился к двери, но перед тем, как выйти на улицу, оглянулся. "Я еще вернусь проверить, на месте ли ты". Об этом он мог не беспокоиться: я и не собиралась уходить. Однако австриец повторил: "Не смей бежать. Малейшее непослушание, и угодишь в тюрьму". И захлопнул за собой дверь.

Я не знала, куда он пошел, и по-прежнему не имела ни малейшего понятия о том, что происходит в доме. Я была в полном смятении, мне казалось, что я провалилась в бездонный колодец. Мне ничего не оставалось делать, как сидеть и ждать.

Тут я услышала, как наши друзья из Убежища спускаются по лестнице. По звуку шагов казалось, что они идут подобно побитым собакам.

Я как будто окаменела, мне казалось, что время остановилось. В какой-то момент ко мне подошли два работника склада и

выразили сожаление о том, что ничего не знали об Убежище. Ван Марен прибавил, что австриец отдал ему ключ, отобранный у меня. Не знаю, сколько еще прошло времени. Вдруг я услышала быстрые шаги по лестнице. В комнату влетела Беп, за ней — Ян. Я поняла, что уже пять часов, конец рабочего дня. Ян сказал ван Марену: "Как только уйдет последний рабочий, закрой за ним дверь и возвращайся".

Позже, когда мы остались в конторе вчетвером, Ян обратился к ван Марену, Беп и мне: "А теперь посмотрим, что там, наверху". Дверь в Убежище была заперта на замок, но к счастью, в конторе хранился запасной ключ. И вот мы наверху. Там все было перевернуто вверх дном: сдвинута мебель, содержимое шкафов и ящиков выброшено на пол. В спальне господина и госпожи Франк в ворохе бумаг на полу мне бросилась в глаза тетрадка в оранжевом переплете. Это был дневник Анны. Я вспомнила, как она радовалась, когда родители подарили ей эту тетрадь на день рождения, и как важно было для нее все, что она писала. Я стала разбирать бумаги и увидела несколько кассовых книг и отдельных листков, которые Анна использовала для своих записей, когда первая тетрадка кончилась.

Беп дрожала от страха и явно хотела поскорее уйти. Я сказала ей: "Помоги мне все это собрать". Я сама ужасно боялась, что австриец вернется и застигнет нас за присвоением "еврейского имущества". Ян между тем захватил несколько библиотечных книг и испанских учебников доктора Дюсселя. Он торопил нас. Ван Марен, стоящий у двери, тоже нервничал. Мы поспешно пошли к выходу, но по дороге на двери ванной я увидела висящий халатик Анны. Хотя мои руки были заняты, я захватила и его, сама не знаю, почему.

И вот мы с Беп стоим в конторе с кипой бумаг. "Ты старшая, — сказала Беп, — решай, что делать со всем этим". Я открыла нижний ящик стола и вложила в него все тетрадки и листы. "Я буду хранить их до тех пор, пока Анна не вернется".

Дома я услышала от Яна о том, что произошло после того, как он узнал о приходе полиции. Вот его рассказ:

"Я поспешил обратно в свою контору. Обычно дорога занимает у меня семь минут, но в этот раз через четыре минуты я уже был на месте. Я хотел как можно скорее спрятать нелегальные талоны. Положив их в ящик стола, я стал думать, что делать

дальше. Хотя я хорошо понимал, что разумнее всего ничего не предпринимать и лишь ждать, я не мог сидеть спокойно. Я решил рассказать обо всем брату Кляймана и пошел на часовую фабрику, где тот работал. Он был потрясен случившимся, и несколько секунд мы лишь горестно и беспомощно смотрели друг на друга. Потом пошли на Принсенграхт и притаились в подъезде напротив конторы. Вскоре перед домом 263 остановилась машина Зеленой полиции. Дверь открылась, оттуда вышли наши друзья с небольшими узелками в руках и сели машину. Мы были слишком далеко, чтобы разглядеть выражения их лиц, я только заметил, что Куглер и Кляйман тоже были там. Арестованных сопровождали двое вооруженных мужчин в штатском. Они зашли в машину последними, и она тут же тронулась, свернула на другую сторону канала и проехала совсем близко от нас. После этого мы ушли, посчитав опасным зайти в тот момент в контору".

Мы с Яном хорошо понимали, что ожидает наших друзей, и какая опасность грозит нам самим, но не стали говорить об этом.

На следующий день Ян пошел к жене Дюсселя, чтобы сообщить ей об аресте. "Она держалась мужественно, — рассказал он потом, — и очень удивилась, что ее муж все это время скрывался в центре Амстердама".

На следующий день я пошла, как обычно, на работу, хотя все еще находилась в состоянии шока. Теперь я чувствовала себя ответственной за фирму: я работала здесь с 1933 года и хорошо знала положение дел. В тот день как раз присутствовало много наших посредников, которым я должна была дать советы и указания. Все были поражены известиями о судьбе семей Франк и ван Пелс. Один из посредников подошел ко мне и сказал: "Госпожа Гиз, я вдруг подумал вот о чем. Война почти закончилась, немцы устали, хотят домой и, разумеется, стремятся захватить с собой как можно больше денег. Что, если вам пойти к тому австрийскому нацисту? Он оставил вас на свободе, значит, наверно, не откажется вас выслушать. Спросите его, за какой выкуп он согласен отпустить арестованных. Вы единственная, кто может попробовать его уговорить". Пока посредник говорил, я вдруг вспомнила, что он член нацистской партии. Но несмотря на это я была уверена в его порядочности. Господин Франк знал о его партийной принадлежности еще до своего ухода в Убежище, и как-то сказал о нем: "На этого человека, как мне кажется, можно положиться. По-

моему, он по своей истинной сущности не фашист и вступил в партию, поддавшись влиянию друзей. Может, он просто искал выхода из одиночества, ведь у него нет семьи". Все это я вспомнила во время разговора с посредником и кивнула в ответ: "Хорошо, я пойду". Мой собеседник продолжал: "Мы все так любим господина Франка. Я уверен, что каждый даст денег, сколько может, и мы наберем нужную сумму".

Я тут же подошла к телефону и стала звонить австрийцу в отделение гестапо в южной части Амстердама, где он работал. Услышав его голос, я спросила, могу ли говорить с ним по-немецки. "Речь идет об очень важных вещах", — прибавила я. "Хорошо", — ответил он и назначил мне встречу в понедельник в девять утра.

Ровно в это время я стояла у ворот гестапо. Всюду сновали немцы в военной форме, над домом развивался флаг с черной свастикой. Все знали: стоит переступить порог этого здания, и назад пути нет. Тем не менее, я вошла внутрь, и спросила у солдата, стоявшего на вахте, как найти австрийца. Получив разъяснения, я через коридор прошла в огромный зал. Всюду за столами сидели машинистки, в ушах стоял звон от клавиш пишущих машинок. Я сразу увидела австрийца, сидевшего ко мне лицом. Его звали Карл Зилбербауер. Приблизившись к его столу, я остановилась в нерешительности. Я не ожидала, что при нашем разговоре будут присутствовать посторонние, и не хотела открывать перед ними свои намерения. Я молча посмотрела в глаза австрийца и потерла указательным пальцем о средний: этот жест означал деньги. Тот сказал: "Сейчас я ничего не могу для тебя сделать. Приходи завтра в девять утра. И с преувеличенным вниманием склонился над бумагами, дав понять, что больше не произнесет ни слова.

На следующее утро я снова пришла. В этот раз Зилбербауер был в конторе один. Я решила идти напролом и выпалила: "За какую сумму вы согласны отпустить арестованных людей на свободу?". Австриец ответил: "Очень сожалею, но ничем не могу помочь, даже если бы захотел. Я лишь исполняю приказы и даже не имею права говорить с тобой". Не знаю, как у меня хватило смелости, но я сказала: "Я вам не верю".

Он не рассердился, лишь пожал плечами и взглянул на меня, покачивая головой. "Зайди к моему начальнику". И назвал номер комнаты.

Стараясь унять дрожь, я поднялась по лестнице, постучала и, не дождавшись ответа, распахнула дверь. Я увидела множество нацистских офицеров, сидящих вокруг круглого стола, в середине которого стоял приемник. Я услышала английскую речь, и сразу узнала Би-би-си.

На меня обратилось множество взбешенных взглядов, ведь я застигла их врасплох: вражеский голос мог стоить им жизни. Теперь я была полностью в их власти. Решив, что мне нечего терять, я спросила: "Кто здесь главный?"

Один из офицеров поднялся и с искаженным лицом направился ко мне. Сейчас... Но нет, обошлось. Он только схватил меня за плечо и, яростно прошептал «свинья», выставил за дверь.

Вне себя от страха я помчалась обратно в кабинет Зилбербауера. Тот вопросительно взглянул на меня, и я в ответ покачала головой. "Поняла? — спросил он, — а теперь убирайся!". Я хотела было снова заговорить с ним, но поняла, что это бесполезно, и пошла к выходу через коридор, полный гестаповцев. Неужели я выйду из отсюда свободной? Лишь на улице я осознала, какой опасности избежала.

Некоторые сотрудники конторы просили меня дать почитать им записки Анны. Но я всегда отвечала одно и то же: "Нет, не могу. Это дневник девочки, ее тайна. И я отдам его только ей самой".

Меня не оставляли мысли, что в Убежище на полу лежат еще листки Аннинных дневников, которые мы не успели захватить с собой. Но я боялась подниматься туда, потому что Зилбербауер уже несколько раз приходил с проверкой. При этом он всегда приоткрывал дверь конторы, бросал на меня взгляд и произносил: "Так, ты на месте". Я ничего не отвечала, и он тут же исчезал.

Я боялась подниматься в Убежище и по другим причинам: я бы не вынесла вида пустых комнат.

Но через три дня должны были прийти рабочие, чтобы увезти "еврейское имущество", которое сначала будет доставлено на склад, а затем — в Германию. Я обратилась к ван Марену: "Предложи свою помощь при погрузке вещей. Если увидишь исписанные листки бумаги на полу, незаметно собери их и отдай мне".

Грузчики приехали на следующий день. Ван Марен выполнил мою просьбу и отдал мне стопку бумаг. Я положила их в ящик, где хранила другие записи.

Как только грузовик отъехал, в конторе воцарилась тишина. Вдруг я увидела Муши, кота Петера. Он подошел ко мне и потерся головой о мою ногу. "Пойдем в кухню, — сказала я, — попьешь молока. Ты останешься здесь, мы с Беп будем заботиться о тебе".

...

После ареста Кляймана и Куглера я оказалась единственной из оставшихся сотрудников, кто мог возглавить фирму. Но для этого мне необходимо было разрешение на пользование банковским счетом Опекты. Я пошла в банк и рассказала директору о сложившейся ситуации. Тот дал разрешение без колебаний.

Несмотря на ужасные события, жизнь нашей конторы потекла своим чередом. Мы по-прежнему получали и исполняли заказы по изготовлению джемов, вкусовых приправ и колбас.

Отец Беп, господин Фоскейл, умер от рака после долгих и мучительных страданий. Должна признаться, что почувствовала облегчение, узнав об этом.

25 августа был освобожден Париж, 3 сентября — Брюссель, а днем позже — Антверпен. Со дня на день ждали освобождения и мы.

3 сентября Би-би-си сообщило, что англичане достигли Бреды. Чувство радости и надежды охватило нидерландцев. Начиная с 5 сентября, который позже назовут безумным вторником, немецкие войска начали постепенно покидать город. Это уже не были молодые, здоровые и самоуверенные солдаты в новеньких шинелях, вступившие в столицу в мае 1940 года. Они уходили униженными и жалкими, унося с собой, тем не менее, немало награбленных вещей и ценностей. А с ними, нагруженные мешками, уходили их приспешники — голландские нацисты. Никто не имел понятия, куда они направляются, и кажется, они сами не знали об этом.

Старательно спрятанные красно-бело-синие флаги с оранжевыми вымпелами вновь взвились на крышах. Люди собирались на улицах, невзирая на запрет собраний. Дети держали в руках бумажные флажки, импровизирующие английский флаг, чтобы приветствовать ими освободителей.

Но шли дни, и ничего не происходило. Присутствие немцев снова стало ощутимым, как будто отступления и вовсе не было.

Сообщение о том, что англичане освободили юг Голландии, оказалось ложным. Энтузиазм пятого сентября постепенно сошел на убыль, но все знали, что ждать уже недолго.

17 сентября королева Вильгельмина призвала работников железных дорог начать забастовку с целью помешать передвижению немецкого транспорта. Она произнесла проникновенную речь, но все же попросила рабочих быть осторожными. Это не были пустые слова: участие в стачках каралось расстрелом. Причиной обращения королевы стало, очевидно, новое и увы — снова ложное — сообщение о вступлении англичан и американцев в город Арнем. И все же поезда встали! Машинистов искали, но не нашли — они ушли в подполье. Немцы были в бешенстве.

Однажды утром, в разгар описанных мной событий, я столкнулась на работе с проблемой, которую сама не могла решить. Как всегда в подобных случаях, я позвонила брату Кляймана. "Обратись лучше к нему самому", — неожиданно ответил он. Я была поражена подобной циничностью. "Это же невозможно, он в лагере, в Амерсфорте!" "Вовсе нет, он направляется к вам, в контору. Выйди за дверь, увидишь сама". Я не верила ему. Как можно так шутить! Но тот настаивал: "Иди на улицу, Мип! Это правда".

Уронив телефон, я бросилась к выходу. Беп, решив, что я сошла с ума, побежала за мной. С бьющимся сердцем я огляделась вокруг и, действительно, увидела Кляймана. Он как раз пересекал мост между Блумграхт и Принсенграхт и махал мне рукой. Мы с Беп бросились к нему. Я что-то кричала, не помню — что, хотя по натуре я человек спокойный, Беп тоже была вне себя. Смеясь и плача, мы стали обнимать Кляймана, и втроем пошли в контору. Радость захлестывала нас, мы беспрестанно говорили, перебивая друг друга.

Я все еще не верила собственным глазам. Вернувшись из концлагеря, Кляйман выглядел хорошо, лучше, чем когда-либо. Он, конечно, похудел, но глаза его светились, и на щеках лежал румянец. Я сказала ему об этом, и он ответил, смеясь: "Лагерная еда была, конечно, ужасной. Каждый день сырая морковь и свекла и лишь иногда жидкий суп. Но ты не поверишь: кажется, благодаря этим сырым овощам я избавился от своей желудочной язвы!".

Я была так рада, так бесконечно счастлива, что он вернулся! Я спросила нерешительно: "А остальные? Известно ли что-нибудь о них?" Кляйман покачал головой: "Нет, к сожалению, я ни о ком ничего не знаю".

Это чудесное возвращение дало мне надежду, что и остальные вернутся целыми и невредимыми. Кляймана отпустили из-за его плохого здоровья благодаря стараниям организации Красного Креста.

Снова мучительно потянулись дни. Кончился сентябрь, но ничего не менялось. Немцы никуда не уходили, только становились более мстительными и жестокими. Мы уже не верили, что война когда-нибудь кончится.

...

В марте и апреле все еще стояли зимние холода. Все говорили и думали только о еде. Поскольку у нас не было радио, один наш друг пообещал прийти к нам, как только услышит что-то важное. Но самым важным для нас сейчас была еда. Когда мы навещали этого друга, то даже не слушали радио, а переписывали из его поваренной книги рецепты блюд, которые будем готовить после победы. Почему-то больше всего я мечтала о чашке дымящегося какао.

Ежедневно сотни голландцев умирали от голода. Мы с Кляйманом заставляли себя приходиться в контору, а вечером — все с теми же мыслями о еде — плелись домой. Дома меня ждали Ян и наш кот Берри. Но как я могла из двух картофелин приготовить обед для двух взрослых людей и кота? Весна постепенно набирала силу и приносила все больше тепла и света. Но голод мучил с каждым днем все больше. Конечно, я продолжала вести конторские дела, но все мои мысли были о том, где бы достать съестное. И так было со всеми.

В мае установилась прекрасная погода: светило солнце, и появились цветы на деревьях. Это составляло странный контраст с истощенными, бледными и грустными амстердамцами.

В пятницу 4 мая, после однообразного рабочего дня я вернулась домой и сразу пошла на кухню, чтобы отварить нескольких картофелин и морковок. Я поставила кастрюлю с водой на огонь, и мне казалось, что вода не закипала целую вечность.

Неожиданно появился Ян, крепко обнял меня и сказал: "Мип, у меня потрясающая новость. Немцы капитулировали, война закончилась!".

Я почувствовала слабость в ногах, я не смела верить... Но взглянув в сияющие глаза Яна, поняла, что это правда. В праздничном настроении мы уселись за стол и съели жалкий обед, показавшийся нам пищей богов. Потом заговорили о том, что будет дальше. Война кончилась, но немцы еще были в городе. Наверняка, они в бешенстве, поэтому пока надо быть предельно осторожными. Мы, конечно, заговорили о наших друзьях, заключенных в лагерях — в надежде, что они живы и вернуться к нам.

Пробило восемь часов — комендантский час, когда мы услышали стук в окно. Это был наш друг, который обещал сообщить об окончании войны. "Пошли на улицу, — закричал он, — запретов нет, мы свободны!".

Город был полон народу и сиял огнями. Каждый держал в руке свечку, ветку, клочок бумаги — все, что могло гореть. Люди танцевали, смеялись, обнимали друг друга.

Этой ночью я не могла сомкнуть глаз. Вдруг я услышала птичье воркование и, выглянув в окно, увидела в соседнем саду несколько голубей. Я вспомнила, что во время войны птиц в Амстердаме совсем не было, даже воробьев. А домашних голубей немцы держать запрещали. Значит, их прятали во время оккупации, а теперь, наконец, выпустили. Над крышами Амстердама снова будут летать птицы, такие же свободные, как мы.

На город с самолетов буквально дождем сыпались продовольственные пакеты: банки маргарина и масла, печенье, сосиски, сало, шоколад, сыр и яичный порошок. Самолеты пролетали над городом совсем низко, но они уже не вызывали ни страха, ни паники, как раньше. Люди без боязни залезали на крыши и размахивали флагами, а то и просто простыней или полотенцем.

В субботу утром, по дороге на работу мне показалось, что все амстердамцы вышли на улицу. И это невзирая на опасность — ведь захватчики еще были в городе! И действительно, немцы пришли в ярость: на Соборной площади стали стрелять в толпу и убили несколько человек. Но даже это не остановило людей, обезумевших от радости: мы знали, что победа уже пришла.

Вернувшись с работы, я предложила Яну пойти в центр, чтобы присоединиться к толпе. Но тот покачал головой: "Нет, не пойду. Я

не могу веселиться. Слишком много произошло за эти пять лет. Сколько людей отправлено в лагеря, и сколько уже не вернется. Конечно, я рад, что все закончилось, но мне не до праздника".

7 мая мы услышали, что в город вошли канадские войска. Мы тут же помчались встречать наших освободителей, но прождав три часа, увидели лишь три маленьких танка. Зато на следующий день канадцы заполнили весь город. Это был настоящий военный парад, и хотя солдаты выглядели довольно грязно, голландские девушки бросались им на шею и целовали в обе щеки. Канадцы раздавали горожанам настоящие сигареты.

Королева Вильгельмина вернулась на родину после пяти лет, проведенных в Англии. Этой маленькой энергичной женщине, которую Черчилль назвал "самым храбрым мужчиной Англии", было тогда шестьдесят четыре года. Она мужественно выстояла войну, как и весь голландский народ.

Праздник продолжался несколько дней, всюду слышался то голландский, то английский гимн, на улицах играла музыка, люди танцевали. Откуда-то появились передвижные органчики, играли на флейтах и старых аккордеонах.

Люди, прятавшиеся во время войны, выходили из своих убежищ — истощенные, бледные и напуганные, щурясь с непривычки на солнечный свет.

Очень скоро мы узнали, что Виктор Куглер жив: ему удалось бежать из лагеря, и всю голодную зиму он скрывался в собственном доме, опекаемый женой.

Вскоре он сам появился в конторе, и вот его рассказ:

"Сначала меня поместили в лагерь Амерсфорта, где находились в основном политические заключенные, торговцы черного рынка и христиане, укрывавшие евреев. Потом меня перевозили из одного лагеря в другой, последний находился на границе с Германией. Условия были относительно сносными. Нам разрешали носить собственную одежду и принимать передачи от местных жителей. Сотрудники Красного Креста регулярно наведывались с проверкой, часто приходил священник.

Но однажды зимой, рано утром всех заключенных вызвали на сбор, а потом куда-то погнажи. Я шел сзади, рядом с немецкими солдатами. Они выглядели мрачно и устало, война явно надоела им. Я подумал: почему бы не заговорить с ними на немецком и не спросить, куда мы направляемся. Они ответили: "В Германию,

пешком. Целым лагерем". Я подумал: "Живым оттуда уже не вернуться" и стал постепенно замедлять шаг.

Неожиданно, когда мы проходили мимо кукурузного поля, началась воздушная бомбардировка. Немцы закричали: "Ложись!" Как только бомбежка кончилась, последовал приказ: "Вставай в строй! Дальше, марш!". Но я остался лежать, затаив дыхание, заваленный листьями кукурузы. И — о чудо — они, забыв обо мне, пошли дальше.

Я подождал немного и пополз по полю в обратном направлении. Потом, решив, что опасность миновала, встал и пошел и вскоре добрался до деревни. Лагерная одежда выдавала во мне беглеца, и мне ничего не оставалось, как действовать в открытую. Я увидел магазин поддержанных велосипедов и, набравшись смелости, вошел внутрь. Я рассказал продавцу, что бежал из концлагеря и попросил его: "Пожалуйста, одолжите мне велосипед, чтобы добраться до дома".

"Хорошо, — ответил тот, — только верните его, когда закончится война". Так я вернулся домой, и жена всю голодную зиму заботилась обо мне".

Спустя несколько недель в витринах магазинах стали появляться товары: меховые шубки, красивые платья. Однако они предназначались не для продажи, а только для витрин. Другие магазины выставляли муляжи молочных бутылок, упаковки масла и сыра.

Я узнала, что союзники организуют реабилитационные лагеря для голландских детей, где те могли бы набраться сил и поправить здоровье.

Каждый день Ян заходил в организацию по поиску людей, потерявшихся во время войны, и задавал одни и те же вопросы: "Знаете ли вы что-то о семье Франков: Отто, Эдит, Марго, Анне? Или о семье ван Пелс?". И наконец услышал: "Нам известно, что Отто Франк жив и скоро вернется".

Ян помчался домой так быстро, как только мог. Это было 3 июня 1945 года. Он влетел в гостиную, схватил меня за руки и закричал: "Мип, господин Франк вернется!". У меня перехватило дыхание. Всегда, в глубине сердца я знала, что он выживет, и все остальные — тоже. В тот момент кто-то прошел мимо нашего окна. Меня охватило непонятное волнение, и я открыла входную дверь. Передо мной стоял Отто Франк, собственной персоной!

Мы молча смотрели друг на друга. Мне так много хотелось сказать ему, но я не могла подобрать нужных слов. Он похудел, но я всегда знала его худощавым. В руках он держал узелок. Мои глаза наполнились слезами. Вдруг мне стало страшно, что сейчас он расскажет что-то ужасное о судьбах других. Сама я не решалась об этом спосить.

Наконец Франк сказал: "Мип, Эдит уже никогда не вернется". Мне показалось, что к моей шее приставили нож, но я постаралась скрыть эмоции. Я взяла его за руку: "Зайдите в дом". Он продолжал: "Но я надеюсь, что Марго и Анна живы". "Да, будем надеяться, — ответила я, — а сейчас мы так рады видеть вас у себя!". Но Франк, казалось, не решался переступить порог. "Мип, я пришел к вам, потому что вы единственные близкие мне люди в этом городе". Я взяла узелок из его рук: "Мы дадим вам отдельную комнату и живите у нас, сколько захотите". Я приготовила для него спальню и поставила на стол самое лучшее, что было в доме.

Во время ужина Франк рассказал, что до освобождения находился в Освенциме, где последний раз видел Эдит, Марго и Анну. По прибытии в лагерь мужчин и женщин сразу разделили. В январе лагерь освободили русские, которые помогли ему добраться до Одессы, откуда он кораблем прибыл в Марсель, а потом — поездом в Амстердам.

Первые несколько недель после прихода русских Франк — до крайности исхудавший и ослабевший — оставался под врачебным присмотром на территории лагеря. Как только силы немного вернулись к нему, он попытался что-то узнать о судьбе своей семьи. Его постигло первое страшное горе: он услышал, что Эдит умерла 6 января 1945 года. О дочерях ничего достоверного известно не было, но Франк предполагал, что Анна, Марго и госпожа ван Пелс были депортированы в Берген-Белзен. След доктора Пфэффера Франк потерял еще в голландском пересыльном лагере Вестерборке. Господина ван Пелса он видел собственными глазами среди приговоренных к газовой камере. Петер оставался в Освенциме. В ноябре 1944 года он часто навещал господина Франка в больничном бараке, куда тот поступил, находясь на грани истощения. Франк знал, что немцы, отступая в Германию, нередко захватывают с собой группы заключенных, и умолял Петера сделать все, чтобы тоже оказаться на больничной койке. Но,

очевидно, тому это не удалось, и он как раз попал в такую группу. Господин Франк видел Петера в последний раз бредущим по снегу в сопровождении немецких солдат.

Все это он рассказывал своим тихим спокойным голосом.

Отто Франк остался жить у нас. Он сразу занял на фирме свое место — директора. Я знала, как важна для него работа, отвлекающая от тяжелых воспоминаний и тревог. Между тем он обратился во всевозможные организации по поиску депортированных евреев. Может, что-то известно о Марго и Анне? Он не терял надежды на возвращение девочек. Берген-Белзен был трудовым лагерем, а не лагерем смертников. Конечно, его не обошли ни голод, ни болезни, но заключенных не посылали в газовые камеры. Марго и Анна прибыли туда последним транспортом, значит, находились в лагере не так долго, они были молоды, здоровы. Как и господин Франк, я всем сердцем надеялась, что девочки живы!

Франк разузнал адреса голландцев, вернувшихся из Берген-Белзена, и послал им письма. Так многие находили своих близких. Мы ждали известий каждый день. Когда я слышала шаги по лестнице, меня охватывала безумная надежда, что это Анна и Марго! 12 июня был день рождения Анны, ей исполнилось шестнадцать лет. Может, именно в этот день придет счастливая весточка? Но новостей по-прежнему не было.

А люди возвращались из лагерей. Пришел хозяин овощного магазина. Он ходил с трудом, оказалось, что отморозил ноги. Мы встретились, как старые друзья.

Магазины еще стояли пустые, все приобреталось по талонам. Наша фирма продавала в основном заменители продуктов, но их брали охотно.

Однажды утром в конторе мы с господином Франком просматривали почту. Я слышала, что он открыл какое-то письмо, и после этого наступила тишина. Я вся напряглась. И тут раздался ровный тихий голос: «Мип». Франк держал в руках листок бумаги. "Мип, я получил письмо от медсестры из Роттердама. Анны и Марго больше нет в живых". Меня охватило безысходное горе. Но тут я вспомнила о дневнике и вытащила из ящика стола тетради и листки, до которых никто не дотрагивался с тех пор, как мы нашли их в Убежище. Я протянула их господину Франку: "Вот, что осталось от вашей дочери Анны". Тот взял бумаги и исчез в своем

кабинете. Спустя некоторое время он позвонил мне и сказал: "Мип, сегодня я никого не принимаю". "не беспокойтесь", — ответила я.

Когда господин Франк поселился у нас, он сказал: "Мип, обращай ко мне теперь по имени, ведь мы — одна семья". Я согласилась, однако прибавила: "Дома я буду звать вас Отто, но на работе по-прежнему — господин Франк".

К сожалению, наши отношения с квартирной хозяйкой ухудшились, и мы решили искать новое жилье. Неподалеку от нас жила сестра Яна. Одна комната в ее квартире пустовала, и она предложила нам поселиться у нее. Мы с радостью согласились: найти жилье в Амстердаме было в то время непросто. Свободную комнату выделили Отто, мы с Яном поселились в комнате его сестры, а она сама спала теперь в гостиной.

Магазины по-прежнему пустовали, продавалось лишь самое необходимое. Я все же старалась из скудных однообразных продуктов ежедневно готовить что-то вкусное. Мы чувствовали себя усталыми, опустошенными, но пытались держаться. Мы мало говорили о прошлом, но знали и чувствовали, что общие воспоминания навсегда объединили нас.

Отто нашел старых друзей, к которым перед переездом в Убежище отвез часть своей мебели и вещей. Теперь мы могли все это забрать, и вот в нашей скромной квартире появился огромный французский маятник, антикварный шкаф и секретер. "Как бы радовалась Эдит, — сказал Отто, — если бы узнала, что эти семейные реликвии вернулись к нам".

"Красный Крест", наконец, опубликовал списки вернувшихся пленников концлагерей. В живых осталось только пять процентов! Из тех, кто сумел спрятаться, выжила по крайней мере треть. Мы узнали, что Фриц Пфедфер погиб в лагере Нойенгамме, и что Августа ван Пелс умерла в Бухенвальде или в Терезинштадте. Петер чудом пережил переход из Освенцима в Маутхаузен, но умер в лагере всего за три дня до его освобождения американцами.

От очевидцев мы слышали, что в Освенциме Анну и Марго разлучили с матерью. Девочек отправили в Берген-Белзен, где в начале 1945 года они заразились тифом. Марго скончалась в феврале или марте. Анна умерла несколько дней спустя.

Каждый вечер после ужина Отто уходил в свою комнату, где переводил фрагменты из дневника Анны на немецкий язык для своей матери, живущей в Базеле. Иногда он заходил к нам и

восклицал, качая головой: "Мип, ты не представляешь, что Анна написала! Могли мы подумать, что у нее такой острый взгляд, что она так наблюдательна?". Но когда Отто предлагал почитать что-то вслух, я отказывалась. Я не могла себя заставить услышать живой голос моей младшей подружки, мне казалось, что у меня не выдержат нервы.

Конец ознакомительного фрагмента

Эту книгу Вы можете взять:

- в отделе абонемента по адресу г. Оренбург, ул. Правды, 7
- в читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20.

Получить доступ к электронной версии книги Вы можете в электронном читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20, 2 этаж.